

A romantic couple embracing on a boat at night. The man is wearing a white shirt and the woman is wearing a white top and denim shorts. They are both wet, suggesting they have been in the water. The background shows a dark sea with lightning bolts striking the water. The scene is lit with warm, red light from a lantern on the right and cool, blue light from the lightning on the left. The text 'НА ГЛУБИНЕ' is overlaid in large, white, distressed font. Below it is a horizontal line, followed by the name 'СЕСИЛИЯ СУАРЕЗ' in a smaller, white, serif font. In the bottom right corner, there is a white circle with '18+' inside.

НА
ГЛУБИНЕ

СЕСИЛИЯ СУАРЕЗ

18+

Сесилия Суарез

На глубине

«Автор»

2026

Суарез С.

На глубине / С. Суарез — «Автор», 2026

«Ты моя, Мышонок. С того самого дня, как дотронулась до меня». Чтобы отвязаться от прилипалы на пляже, я схватила накачанного незнакомца и назвала его своим парнем. Он подыграл. А потом предложил продлить «услугу» на весь отпуск. Я согласилась, думая, что фиктивные отношения — это веселое приключение. Но я не знала, что он одержим мной и уже не отпустит.

© Суарез С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Солёный захват	5
Глава 2. Лодка без имени	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

На глубине

Глава 1. Солёный захват

Галечный пляж отеля «Империал» в три часа дня представлял собой филиал ада на земле.

Римма честно пыталась читать какой-то производственный роман про реставрацию антикварной мебели, который она скачала еще в Москве, но буквы расплывались перед глазами. Солнце плавало мозг. Лежак, за который она отдала пятьсот рублей в час, был тверже бетонной плиты. А с моря дул тот особенный сочинский ветер, который не освежает, а просто перемещает влажную жару с места на место.

Она отложила книгу, перевернулась на живот и уткнулась лицом в сложенные руки. Ещё пять минут, сказала она себе. Ещё пять минут, и она пойдёт в номер, примет холодный душ и проведёт остаток отпуска в гордом одиночестве, заказав еду в номер и делая вид, что так и было задумано.

— Скучаете?

Голос раздался так близко, что Римма вздрогнула.

Она приподнялась на локтях, щурясь от солнца. Над ней нависал мужчина. Лет сорока, загорелый до цвета кофе с молоком, с белозубой улыбкой, которая, вероятно, стоила ему состояния. На шее — золотая цепь толщиной с якорную. На плавках красовался гигантский лейбл, кричащий: «Я стою больше, чем твоя квартира».

— Нет, — сказала Римма и снова уткнулась в лежак. — Я медитирую. В полной тишине.

— Медитация — это скучно, — не унимался он, присаживаясь на соседний лежак без приглашения. — Меня зовут Артур. Я тут уже неделю. Владелец сети автомоек в Краснодаре. Слышали? «Чистый Артур».

Римма мысленно застонала. «Чистый Артур». Господи, наверняка он сам это название придумал.

— Не слышала, — пробормотала она в сложенные руки. — Я из Москвы. Мы моем машины дождём.

Артур рассмеялся так, словно она только что пошутила на уровне «Камеди Клуб».

— Острая! Люблю острых. Слушай, а пойдём в бар? У меня тут знакомый бармен, он такое мохито делает — пальчики оближешь.

— Я не пью мохито.

— Тогда шампанское? «Вдова Клико»? Чего хочешь?

Римма перевернулась и села, понимая, что просто так от него не отделаться. Она оглядела пляж в поисках спасения. Слева — парочка пенсионеров, самозабвенно мажущих друг друга кремом от загара. Справа — компания подростков, снимающих сториз наверняка для запрещённой соцсети. Прямо по курсу — море, и в нём...

В море, метрах в двадцати от берега, кто-то плыл. Нет, не плыл — разрезал воду, как торпеда. Мощные ритмичные гребки, ни одного лишнего движения. Римма на мгновение засмотрелась.

— ...и вообще, я считаю, что женщина должна быть ухоженной, но естественной, понимаешь? — продолжал вещать Артур, не замечая, что его аудитория давно переключилась. — Вот у тебя, например, волосы светлые, это хорошо. Но губы тонковаты. Сделаешь у моего косметолога — вообще бомба будешь.

— Что, прости? — Римма резко повернулась к нему. — Ты сейчас серьёзно?

— А что такого? Я ж как лучше хочу.

В этот момент пловец вышел из воды.

Римма увидела его краем глаза — и забыла, что собиралась сказать Артуру. Забыла, какое сегодня число и зачем она вообще приехала в Сочи. Кажется, она даже забыла, как дышать.

Он выходил из моря так, словно море принадлежало ему. Высокий, даже с расстояния в несколько метров она поняла, что он возвышается над остальными пляжниками, как маяк над волнами. Широкие плечи, узкая талия. Мышцы, которые не кричат о часах в спортзале, а шепчут о годах настоящей физической работы. Русые волосы прилипли ко лбу, вода стекала по груди, по животу, по...

Римма сглотнула и отвела взгляд. Вернее, попыталась. Глаза предательски вернулись обратно.

— Эй, ты меня слушаешь? — Артур помахал рукой перед её лицом. — Я говорю, у меня тут номер люкс, джакузи, всё такое...

— Слушаю, — рассеянно ответила Римма, следя за пловцом.

Тот остановился у кромки воды, встряхнул головой, отбрасывая волосы назад. Такой простой жест, но от него у Риммы почему-то пересохло во рту. Пловец неторопливо направился к лежакам. Его движения были ленивыми, как у сытого хищника, который точно знает, что добыча никуда не денется.

— ...Так что, может, поужинаем сегодня? — Артур перешёл в наступление и положил руку ей на плечо.

Римма дёрнулась как от ожога.

— Убери руку.

— Да ладно тебе, не ломайся. Я же вижу, ты одна. А одной в Сочи скучно. Я могу показать тебе город. У меня, между прочим, «Гелендваген».

Он снова потянулся к ней — на этот раз к колену.

И тут Римма, сама не понимая, что делает, вскочила с лежака. Сделала три быстрых шага по раскалённой гальке, морщась от боли в босых ступнях, и вцепилась в мокрое предплечье только что вышедшего из моря мужчины.

Он остановился. Медленно, очень медленно опустил взгляд на её пальцы, сжимающие его руку. Потом — на её лицо.

У него были серые глаза. Не голубые, не синие — именно серые, цвета грозового неба или выцветшей стали. И они смотрели на Римму с таким выражением, будто она была самым интересным, что попадалось ему на глаза за последние лет десять.

— Дорогой! — выпалила она, пытаясь придать голосу радостные интонации, но получилось скорее истерично. — Ну где ты ходишь? Я тебя обыскала!

Она чувствовала, как под её ладонью перекачиваются мышцы его предплечья. Кожа была прохладной от воды и покрыта мурашками. И — о боже — он пах морем. Не одеколоном с ароматом морского бриза, а настоящим морем. Солью, йодом и чем-то ещё, диким и свежим.

Незнакомец даже бровью не повёл. Только уголок его губ едва заметно дёрнулся.

— Прости, мышонок, — произнёс он низким, обволакивающим голосом, от которого у Риммы по позвоночнику пробежала дрожь. — Задержался. Течение сегодня сильное.

Мышонок.

Она моргнула. Он не только подыграл — он мгновенно придумал ей прозвище. И какое — «Мышонок»! С намёком на её светлые волосы и, вероятно, на то, как она сейчас испуганно замерла под его взглядом.

Артур, который уже поднялся с лежака и направился к ним, застыл на полпути.

— Это что за хрен? — спросил он, переводя взгляд с Риммы на незнакомца и обратно. — Ты же сказала, что одна!

— Я сказала, что медитирую в тишине, — отрезала Римма, чувствуя, как к щекам приливает кровь. — А это мой... мой парень. Гриша. Он просто плавал. Правда, Гриш?

Она подняла глаза на незнакомца, мысленно умоляя: «Пожалуйста, подыграй. Пожалуйста, не выставляй меня полной идиоткой».

«Гриша» перевёл взгляд на Артура. Что-то в этом взгляде заставило владельца сети автомоек побледнеть, несмотря на загар. Это был не злой взгляд. Не агрессивный. Просто очень холодный. Как будто Артура только что взвесили, измерили и признали недостойным даже пыли на подошвах ботинок.

— Правда, — сказал Гриша. — Очень ревнивый парень.

Он произнёс это будничным тоном, каким говорят «сегодня жарко» или «море тёплое». Но Артур попятился.

— Да я что? Я ничего. Я ж не знал. Обознался просто. Девушка похожа на одну мою знакомую. Извините.

Он развернулся и почти бегом направился к лестнице, ведущей с пляжа к отелю. Золотая цепь подпрыгивала на его груди в такт шагам.

Римма выдохнула и отпустила руку незнакомца.

— Спасибо, — пробормотала она, не зная, куда девать глаза. — Извините, что так вышло. Он просто... он не понимал слова «нет». А я не знала, что ещё сделать.

Она ждала, что он сейчас улыбнётся, скажет что-то вроде «бывает» и пойдёт своей дорогой. Или, что хуже, начнёт задавать вопросы. Но он не сделал ни того, ни другого.

Он просто стоял и смотрел на неё. И в этом взгляде было что-то такое, от чего у Риммы уже в который раз перехватило дыхание. Она вдруг остро осознала, что стоит босиком на горячей гальке, в купальнике, который внезапно оказался ей слишком открытым, перед совершенно незнакомым мужчиной, который смотрит на неё так, словно уже решил, что она принадлежит ему.

— Я знаю, — сказал он наконец. — Я видел.

— Видели?

— Из воды. Как он к тебе подсел. Как ты пыталась от него отодвинуться. Как он положил руку тебе на плечо.

Он говорил спокойно, но в его голосе слышался металл. И Римма вдруг поняла: он вышел из воды не случайно. Он вышел, потому что увидел, что ей нужна помощь.

— Вы... вы следили за мной? — спросила она, и это прозвучало гораздо более обвиняюще, чем она хотела.

Он усмехнулся. Усмешка преобразила его лицо — из холодного и властного оно стало почти мальчишеским.

— Сложно не следить, когда ты единственная на всём пляже, кто читает бумажную книгу в эпоху смартфонов. И единственная, кто пытается закопаться в лежак, чтобы тебя не нашли.

Римма почувствовала, что краснеет ещё сильнее. Она действительно пыталась закопаться в лежак. Безуспешно, учитывая, что он был пластиковым.

— Это производственный роман, — сказала она зачем-то. — Про реставрацию мебели.

— Интересно?

— Вообще-то да. Там очень подробно описана техника золочения.

Она замолчала, понимая, что несёт какую-то чушь. Он снова усмехнулся, и на этот раз в его серых глазах мелькнуло что-то похожее на тепло.

— Золочение, — повторил он. — Хорошо. Люблю девушек, которые разбираются в золочении.

— Вы смеётесь надо мной.

— Ни в коем случае, мышонок.

Опять это прозвище. Оно звучало так... интимно. Так, словно они были знакомы сто лет, а не три минуты.

— Меня зовут Римма, — сказала она, зачем-то поправляя волосы, хотя это не помогло, они были в полном беспорядке.

— Римма, — произнёс он, пробуя её имя на вкус. — Красиво. Редкое имя.

— Бабушка так назвала. Она была поклонницей Риммы Казаковой.

— Поэтессы?

Римма удивлённо моргнула. Обычно на имени «Римма» люди начинали переспрашивать: «Римма? А это как? От слова Рим?» или, что ещё хуже, цитировали анекдот про «Римму с раком». А этот знал.

— Вы знаете Римму Казакову?

— «Усмехайся тонко, защищайся стойко, злись, гордись, глупи... Люби меня только. Только люби», — процитировал он низким голосом, и Римма почувствовала, как у неё подгибаются колени. — Мама любила её стихи.

Он замолчал, и на мгновение в его глазах мелькнуло что-то тёмное, похороненное глубоко-глубоко. Но уже через секунду оно исчезло, сменившись прежним холодноватым весельем.

— Итак, Римма-с-бумажной-книгой-и-знанием-золочения. Я спас тебя от навязчивого ухажёра с золотой цепью и автомойками.

— Откуда вы знаете про автомойки? — она нахмурилась. — Вы же были в воде.

— У меня хороший слух, — он пожал плечами. — И он говорил громко. Очень громко. Весь пляж теперь в курсе, что у него люкс с джакузи и «Гелендваген».

Римма невольно хихикнула.

— И что вы хотите за спасение? Благодарственную открытку?

— Интересное предложение, — он склонил голову набок, разглядывая её. — Но у меня встречное. Ты поможешь мне с ремонтом старой лодки. А я побуду твоим парнем.

— Ээ-э... Что?

— Лодка, — терпеливо повторил он. — Старая. Деревянная. Требуется шлифовки, лакировки и, возможно, золочения — тут ты как раз специалист мне и поможешь. А взамен я буду играть роль безумно влюблённого мужчины до конца твоего отпуска. Чтобы никакой Артур, Борис или кто там ещё не смел к тебе приблизиться.

— Вы это серьёзно?

— Абсолютно.

— Но я не умею ремонтировать лодки! Я реставрирую мебель! Это совсем другое!

— Дерево, — сказал он. — Везде дерево. Шлифовка, лакировка, внимание к деталям.

Справишься.

— Вы даже не знаете, хорошо ли я реставрирую мебель!

— У тебя книга про золочение. Плохие реставраторы не читают книги про золочение на пляже. Они читают глянцевые журналы и пьют мохито.

Римма замолчала. В его словах была какая-то извращённая логика.

— Я даже не знаю вашего имени, — сказала она наконец. — Ну, настоящего. Гриша — это я так, от балды лапнула.

— Григорий Бестужев. Можно просто Гриша. Для тебя — можно.

Римма замерла. Её рука, уже протянутая для рукопожатия, повисла в воздухе. Кровь отхлынула от лица так стремительно, что он это заметил.

— Гриша? — переспросила она каким-то деревянным голосом. — В смысле... Гриша?

— Тебе не нравится имя? — он склонил голову набок, изучая её реакцию с тем же холодным любопытством, с каким до этого разглядывал Артура. — Могу остаться Григорием. Хотя персонал отеля зовёт меня именно так.

— Нет, нет, дело не в том... — Римма нервно облизнула губы. — Просто... я же назвала вас Гришей. Там, перед Артуром. Я выдумала первое попавшееся имя. Честное слово. Я не...

Я вас не знаю. Я вообще не знаю, кто вы такой. Я просто ляпнула «Гриша», потому что это звучало... ну, обыкновенно. Как «Вася» или «Петя». Просто Гриша.

Он смотрел на неё, не перебивая. В его серых глазах зажгётся опасный огонёк — смесь веселья и чего-то ещё, более тёмного, что Римма не могла расшифровать.

— То есть ты хочешь сказать, — медленно произнёс он. — Что из всех имён русского языка ты случайно выбрала именно то, которое носит владелец отеля, на чьём пляже ты сейчас стоишь?

Римма моргнула.

— Вла-владелец отеля?

— Отель «Империл». Тот самый, где ты снимаешь номер с видом на море и каждый вечер заказываешь черешню через рум-сервис.

Она открыла рот. Закрыла. Сглотнула.

— Откуда Вы знаете про черешню?!

— Хорошая память на постояльцев, — он пожал плечами так, словно это было самой обычной вещью на свете. — Так вот, возвращаясь к имени. Ты уверена, что не знала? Может, видела моё фото где-нибудь? Журнал, светская хроника, деловые издания?

Римма нервно рассмеялась. Смех получился слишком высоким, почти истеричным.

— Откуда?! Я не читаю «Плейбой». Или «Форбс». Или где там ещё такие, как вы, украшают обложки в костюмах за миллион долларов.

Она сделала паузу, окидывая его взглядом — мокрые русые волосы, капли воды на широкой груди, плавки без логотипов, но явно дорогие, шрам на предплечье, о происхождении которого она даже боялась спрашивать.

— Хотя... — протянула она задумчиво. — Если бы вы были на обложке, я бы, наверное, запомнила.

Он расхохотался.

Это был настоящий, живой, идущий откуда-то из груди смех. Он запрокинул голову, и солнце осветило его лицо, делая черты мягче, моложе, человечнее.

Римма заворожённо смотрела, как у уголков его серых глаз собираются крошечные морщинки — оказывается, он умел смеяться. Оказывается, за маской ледяного хищника скрывался кто-то, кто мог смеяться вот так — открыто и заразительно.

— Угадала, — выдохнул он, отсмеявшись. — «Форбс», два года назад. В костюме за миллион долларов. На фоне этого самого отеля.

— Вы шутите.

— Нисколько. Спроси у администратора на ресепшине, если не веришь.

Римма помотала головой, чувствуя, как мир вокруг слегка покачнулся.

— Я выдумала имя «Гриша», — медленно произнесла она, словно пробуя эту мысль на вкус. — Случайно. Первое, что пришло в голову. И Вы... Вы правда Гриша. Владелец отеля. Который только что вылез из моря и спас меня от придурка с автомойками. Какого черта.

Он сделал шаг к ней. Один небольшой шаг, сокративший расстояние между ними до минимума. Теперь она чувствовала запах соли на его коже и видела, как бьётся жилка на его шее — спокойно, размеренно, в отличие от её собственного пульса, который сейчас напоминал барабанную дробь.

— Судьба, — сказал он тихо.

— Что?

— Судьба, мышонок. Так это называется. Когда случайное совпадение оказывается не случайным.

— Я не верю в судьбу, — прошептала Римма.

— И я не верил, — он наклонился чуть ближе, и его дыхание коснулось её виска. — До сегодняшнего дня.

Она сглотнула.

— Это... это безумие. Мы знакомы пять минут. Вы не можете всерьёз...

— Могу, — перебил он. — И буду. А теперь давай свою руку, Римма-с-бумажной-книгой.

Сделка есть сделка.

Она подала руку, а про себя подумала: «Ладно. Это просто приключение. О чём тут вообще волноваться?»

Где-то на периферии сознания тоненький голосок разума вопил, что волноваться есть о чём. Очень даже есть. Но Римма его проигнорировала.

В конце концов, когда ещё выпадет шанс заключить сделку с мужчиной, который цитирует Римму Казакову, владеет отелем и называет тебя мышонком с такой интонацией, будто это самое драгоценное слово на свете?

Глава 2. Лодка без имени

Ровно через час Римма стояла перед зеркалом в своём номере и пыталась понять, как одеваются девушки, которые идут на верфь ремонтировать лодку с незнакомым миллиардером.

Яндекс ответа не дал.

Она перебрала три варианта. Сарафан в цветочек казался слишком легкомысленным. Льянные брюки и свободная рубашкатаже - в этом она выглядела так, будто собралась на воскресный бранч, а не на трудовую повинность.

В итоге она остановилась на старых джинсовых шортах, которые когда-то были полноценными джинсами, пока она не отрезала штанины после того, как залила их краской во время реставрации комода, и простой белой футболке. Волосы собрала в небрежный пучок, из которого тут же выбились светлые пряди. Нанесла лёгкий слой туши и бальзам для губ.

— Ты идёшь работать, — сказала она своему отражению. — Не на свидание. Ра-бо-тать.

Отражение посмотрело на неё скептически. Отражение помнило, как этот мужчина смотрел на неё на пляже. И как у неё подгибались колени от его голоса. И как он назвал её мышонком.

— Заткнись, — велела она отражению и вышла из номера.

В лобби отеля «Империял» царила та особенная послеполуденная тишина, когда все нормальные люди либо на пляже, либо на экскурсиях, либо спят в номерах после обеда. Огромные панорамные окна выходили на море, солнечный свет заливал мраморный пол, и где-то в глубине играла тихая фортепианная музыка — что-то классическое, ненавязчивое.

Римма заметила его сразу.

Григорий Бестужев стоял у стойки администратора, облокотившись на неё так, словно она была его личной собственностью. Что, учитывая недавно открывшиеся обстоятельства, было правдой. Он успел переодеться: теперь на нём были светлые льняные брюки, закатанные до щиколотки, и белая рубашка с расстёгнутыми верхними пуговицами. Русые волосы, ещё влажные после душа, были зачёсаны назад, открывая высокий лоб.

Он не выглядел как миллиардер. Он выглядел как... как мужчина, который только что вышел из моря, спас девушку от назойливого ухажёра и теперь ждал её в лобби с таким видом, будто весь мир был его декорацией, а она — единственным зрителем, ради которого он согласился играть в этом спектакле.

При её появлении он выпрямился. Администратор за стойкой, молодой человек с идеальной стрижкой и в идеально отглаженном костюме, заметно напрягся и сделал шаг назад, словно боялся оказаться на линии огня.

— Римма, — произнёс Григорий, и её имя в его устах прозвучало как приветствие и констатация факта одновременно. — Ты пунктуальна. Уже плюс.

— Я всегда пунктуальна, — ответила она, подходя ближе. — Это моя единственная положительная черта.

— Сомневаюсь, — он скользнул по ней взглядом. Медленно. Очень медленно. От макушки, где из пучка выбилась непослушная прядь, до босоножек на плоской подошве. — Шорты. Хорошо. Практично. Хотя я бы предпочёл, чтобы ты надела что-нибудь менее... отвлекающее.

— Отвлекающее? — она нахмурилась. — Это просто старые шорты.

— Вот именно, — он перевёл взгляд на её ноги и задержался там на секунду дольше, чем позволяли приличия. — Старые шорты на красивых ногах отвлекают гораздо сильнее, чем новые на обычных. Идём.

Он развернулся и направился к выходу, не оглядываясь, уверенный, что она последует за ним. Римма на мгновение застыла, переваривая услышанное. Он только что назвал её ноги красивыми? Или это был сарказм? С ним было невозможно понять.

Она догнала его уже у дверей.

— Вы всегда такой прямолинейный? — спросила она, слегка запыхавшись.

— Всегда, — он придержал для неё дверь. — Это экономит время. И нервы. Особенно когда имеешь дело с людьми, которые привыкли к экивокам.

— Я не привыкла к экивокам.

— Знаю. Поэтому ты мне и нравишься, мышонок.

Он сказал это так просто, будто сообщил прогноз погоды на завтра. «Знаю. Поэтому ты мне и нравишься». Римма споткнулась о порог.

Машина ждала у входа — чёрный «Мерседес», не кричащий о роскоши, но источающий её каждой линией идеального корпуса. Водитель — пожилой мужчина в фуражке — открыл перед ней заднюю дверь с такой почтительностью, словно она была по меньшей мере членом королевской семьи.

— Спасибо, — пробормотала она, забираясь в прохладный кожаный салон.

Григорий сел рядом, и пространство сразу стало меньше. Теснее. Интимнее. От него пахло чем-то свежим и древесным — не те резкие мужские ароматы, которые забивают нос, а что-то тонкое, едва уловимое. Сандал? Кедр? Она не разбиралась в мужской парфюмерии, но этот запах хотелось вдыхать снова и снова.

— Куда мы едем? — спросила она, чтобы отвлечься от мыслей о его запахе.

— В порт. Там моя верфь.

— У вас есть верфь?

— У меня есть много чего, мышонок.

Она фыркнула.

— Знаете, когда Вы говорите такие вещи, Вы звучите как злодей из дешёвого романа.

Он повернулся к ней. В его серых глазах плясали смешинки.

— А ты, значит, эксперт по дешёвым романам?

— Я реставрирую мебель, — парировала она. — Я читаю исключительно производственную литературу про золочение и лакировку.

— И бумажные книги на пляже.

— Это был производственный роман! Там очень подробно описана техника золочения!

— Конечно, — он кивнул с серьёзным лицом. — Золочение. Именно это я и ищу в женщине. Глубокое понимание процесса нанесения сусального золота на деревянные поверхности.

Римма не выдержала и рассмеялась. Смех получился громким, почти неприличным для салона роскошного автомобиля, но ей было всё равно.

— Вы невыносимы, — выдохнула она, отсмеявшись.

— Мне говорили. Обычно перед тем, как уволиться.

— Люди часто от Вас увольняются?

— Только те, кто не выдерживает моего чувства юмора.

— У вас есть чувство юмора?

— Сейчас я его активно демонстрирую. Ты смеёшься — значит, работает.

Она покачала головой, всё ещё улыбаясь.

— Ладно, признаю. Один-ноль в Вашу пользу, Григорий... как вас там по отчеству?

— Без отчества. Просто Григорий. Или Гриша. Я же сказал — для тебя можно.

— Гриша, — повторила она, пробуя имя на вкус. — Звучит как-то... по-домашнему. Не вяжется с образом владельца империи.

— Империи, — он хмыкнул. — Громкое слово для сети отелей и пары верфей.

— И «Форбс», — добавила она. — Вы забыли про обложку «Форбс» в костюме за миллион долларов.

— Ах да. Костюм за миллион. Я в нём всего раз и вышел, между прочим. Неудобный, жутко. Брюки давили в паху.

Римма поперхнулась воздухом.

— Простите?!

— Что? — он посмотрел на неё с самым невинным выражением лица. — Ты спросила про костюм. Я ответил. Прямота, помнишь?

— Я не спрашивала про... про пах!

— Нет, но ты явно думала об этом.

— Я не думала!

— Думала. У тебя уши покраснели.

Римма инстинктивно схватилась за уши. Они действительно горели. Предатели.

— Это от солнца, — буркнула она.

— Конечно. Солнце. На пляже. Три часа назад. До сих пор действует.

— У меня чувствительная кожа!

— Не сомневаюсь, — он снова перевёл взгляд на её ноги. — Очень чувствительная.

Она хотела возмутиться, но машина остановилась, и водитель объявил:

— Приехали, Григорий Викторович.

— Викторович! — воскликнула Римма. — Я знаю Ваше отчество! Викторович!

— Поздравляю, — он открыл дверь и вышел, снова не оглядываясь. — Теперь ты знаешь обо мне больше, чем девяносто процентов моих сотрудников.

Она выскочила следом, чуть не споткнувшись о бордюр. Верфь оказалась именно такой, какой она её представляла: запах моря, дерева и машинного масла, крики чаек, скрип канатов. Несколько эллингов выстроились вдоль пирса, вдалеке покачивались яхты — большие, бело-снежные, явно стоившие целое состояние.

Но Григорий направился не к ним. Он пошёл в противоположную сторону, туда, где у самого края пирса, в тени старого навеса, стояла лодка. Не яхта — именно лодка. Деревянная, с облупившимся лаком на бортах, с потускневшими медными деталями и пустым местом там, где должно было быть название.

Она была... прекрасна. Даже в своём запущенном состоянии.

— Это она? — спросила Римма, подходя ближе.

— Она, — голос Григория изменился. Стал тише, мягче. Исчезла та холодная ирония, с которой он разговаривал в машине. — Моя старушка.

— Сколько ей лет?

— Больше, чем нам с тобой вместе взятым. Шестьдесят три.

Римма провела ладонью по борту. Дерево было шершавым, тёплым от солнца, и под слоем старого лака угадывалась благородная текстура.

— Красное дерево? — спросила она.

Он посмотрел на неё с интересом.

— Красное. Ты действительно разбираешься.

— Я же говорила. Реставратор.

— Реставратор мебели, — уточнил он. — А это лодка.

— Дерево есть дерево, — она пожала плечами. — Оно везде одинаково благодарно отвечает на заботу. И одинаково мстительно гниёт, если о нём забыть.

Он молчал несколько секунд, разглядывая её так, словно видел впервые.

— Знаешь, мышонок, — произнёс он, наконец. — Кажется, судьба действительно знала, что делала, когда подсунула мне тебя на пляже.

— Это я себя сама подсунула, — напонила она. — Точнее, схватила за руку.

— Детали. Идём, покажу фронт работ.

Он легко запрыгнул на борт, протянул ей руку. Римма вложила ладонь в его — и снова почувствовала это странное, пьянящее ощущение правильности происходящего. Его пальцы сомкнулись вокруг её, сильные и уверенные, и одним движением он втянул её на палубу.

Она оказалась слишком близко. Настолько близко, что пришлось задрать голову, чтобы посмотреть ему в лицо. Настолько близко, что она снова почувствовала запах сандала и кедра. Настолько близко, что если бы она сделала шаг вперёд, их грудные клетки соприкоснулись бы.

Она не сделала шаг. Но и не отступила.

— Здесь нужна шлифовка, — сказал он, не отпуская её руки. — Весь борт. Потом грунтовка, потом лак. Справишься?

— Я... — она сглотнула. — Я реставрировала бюро XVIII века. Думаю, с лодкой справлюсь.

— Бюро XVIII века, — повторил он задумчиво. — И как, удачно?

— Заказчик плакал, когда увидел результат.

— От счастья или от ужаса?

— От счёта за работу.

Он улыбнулся. Не усмехнулся — именно улыбнулся, открыто и тепло, и Римма почувствовала, как где-то в груди предательски ёкнуло.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда начнём.

Следующие два часа пролетели как один миг.

Он показал ей инструменты: шлифовальную машинку, наждачную бумагу разной зернистости, кисти для лака. Объяснил, какие участки требуют особого внимания, где дерево повело от времени, а где просто нужно снять старый слой и покрыть новым. Она слушала, задавала вопросы, спорила, когда ей казалось, что он предлагает неправильный подход к обработке стыков, и в какой-то момент поймала себя на мысли, что ей... нравится.

Нравится стоять на палубе старой лодки, вдыхая запах моря и дерева. Нравится чувствовать инструмент в руках. Нравится смотреть, как он двигается — экономно, точно, без лишней суеты, но с какой-то особой нежностью, когда касается дерева.

И особенно ей нравилось, когда он подходил слишком близко, чтобы поправить её руку.

— Не так, — сказал он в третий раз, и его ладонь легла поверх её, направляя движение шлифовальной машинки. — Медленнее. Дай дереву дышать. Оно живое, мышонок. Чувствуй его.

Она чувствовала. Чувствовала тепло его груди за своей спиной. Чувствовала его дыхание у своего виска. Чувствовала, как его пальцы скользят по её запястью, поправляя хват.

И она чувствовала, как предательски горят уши.

— Вот так, — его голос прозвучал совсем близко, у самого уха. — Теперь правильно.

— Спасибо, — выдавила она, не узнавая собственный голос.

Он не отходил. Стоял за её спиной, почти касаясь, и она кожей ощущала исходящее от него тепло.

— Римма, — позвал он тихо.

— М-м?

— Ты опять покраснела.

— Это от работы. Физический труд разогревает кровь.

— Кровь, — повторил он, и в его голосе послышалась улыбка. — Конечно. Кровь.

Он наконец отступил, и она выдохнула. Только сейчас поняла, что всё это время не дышала.

— На сегодня хватит, — объявил он. — Солнце садится, а ты ещё не обедала.

— Я не голодна.

В этот момент её живот издал такой громкий звук, что чайки на пирсе взлетели.

Григорий выразительно посмотрел на неё.

— Ладно, — сдалась она. — Голодна.

— Конечно, — он спрыгнул на пирс и снова протянул ей руку. — Идём. В отеле отличный ресторан. Шеф-повар — итальянец, делает пасту, от которой плачут даже те, кто на диете.

Она приняла его руку, и он снова помог ей спуститься. На этот раз она споткнулась — доски пирса были неровными, — и он подхватил её, придерживая за талию.

На одно бесконечное мгновение она оказалась прижатой к его груди. Её ладони упёрлись в его плечи — твёрдые, горячие даже через ткань рубашки. Его руки лежали на её талии, большие, надёжные, и не спешили отпустить.

— Осторожнее, мышонок, — произнёс он, глядя на неё сверху вниз. — Ты сегодня уже дважды чуть не упала. Я начинаю думать, что тебе нужен постоянный присмотр.

— Я просто неуклюжая, — прошептала она.

— Я заметил.

Он не отпускал. И она не делала попыток вырваться. Они стояли на пирсе, в лучах закатного солнца, окрасившего море в розовый и золотой, и где-то вдалеке кричали чайки.

— Григорий Викторович, — позвал чей-то голос.

Он медленно, словно нехотя, отпустил её и обернулся. К ним спешил мужчина в рабочем комбинезоне.

— Простите, что отвлекаю. Там насос на третьем эллинге барахлит. Вы просили доложить, если что.

— Иду, — бросил он и снова повернулся к Римме. — Подождёшь в машине? Или хочешь посмотреть, как я ругаюсь с подрядчиками?

— Ругаетесь? — она приподняла бровь. — А как же прямота и экономия нервов?

— Иногда, — сказал он, наклоняясь чуть ближе. — Для достижения результата требуется не только прямота, но и громкость. Но ты права. Я предпочту не травмировать твой чувствительный слух. Иди в машину. Я быстро.

Она кивнула и направилась к «Мерседесу». Уже у самой дверцы обернулась. Он стоял на пирсе, высокий, в развевающейся на ветру белой рубашке, и смотрел ей вслед.

И в его взгляде было что-то такое, от чего у неё снова покраснели уши.

Водитель обернулся к ней.

— Хорошо провели время, барышня?

— Кажется, да, — ответила она честно. — А вы давно работаете у Григория Викторовича?

— Пятнадцать лет, — он улыбнулся. — Хороший человек. Строгий, но справедливый. И улыбается редко. А при вас — уже два раза за день. Я считал.

— Вы считали его улыбки?

— А как же. У нас на это тотализатор среди персонала. Я сегодня выиграл пятьсот рублей. Римма рассмеялась.

— Рада, что оправдала Ваши инвестиции.

Когда Григорий вернулся в машину, действительно быстро, не прошло и десяти минут, он застал Римму в странном состоянии: она сидела, прикрыв рот ладонью, и тряслась от беззвучного смеха.

— Что? — спросил он подозрительно.

— Ничего, — она вытерла выступившие слёзы. — Просто у Вас замечательный персонал. Он перевёл взгляд на водителя. Тот смотрел строго перед собой, но усы подрагивали.

— Игнат, — произнёс Григорий ледяным тоном. — Ты опять?

— Никак нет, Григорий Викторович. Просто барышне понравился вид из окна.

— Какой вид? Мы на парковке.

— Вот именно, — сказала Римма. — Потрясающий вид на парковку. Я такое только в Сочи видела.

Григорий посмотрел на неё, потом на Игната, потом снова на неё.

— Вы двое спелись, — констатировал он. — Это опасно.

— Почему? — невинно спросила Римма.

— Потому что я не привык, чтобы против меня играли в команде. Я привык выигрывать в одиночку.

— Значит, пора учиться новому, — она похлопала его по руке. — Говорят, командная работа развивает эмпатию.

Он посмотрел на её ладонь, лежащую на его руке. Потом — на неё.

— Ты сейчас пытаешься меня перевоспитать, мышонок?

— Я? Что Вы! Просто предлагаю вам расширить кругозор.

— Мой кругозор достаточно широк.

— Сомневаюсь.

— Сомневайся. Это твоё право.

Римма смотрела в окно на проплывающие пальмы и огни набережной и думала о том, что её сердце бьётся слишком быстро для человека, который просто сидит в машине.

И ещё она думала, что, кажется, попала. Сильно, бесповоротно и совершенно не по плану.

Когда машина остановилась у входа в отель, солнце уже клонилось к закату, окрашивая фасад «Империаля» в розовый и золотой. Григорий вышел первым, обошёл машину и открыл дверь с её стороны. Протянул руку. Она вложила ладонь в его, уже почти привычно, и он помог ей выбраться наружу, задержав её пальцы в своих чуть дольше, чем требовали приличия.

— Ты голодна, — констатировал он. — Я слышал, как твой желудок пел арию на верфи.

— Он не пел арию, — возмутилась Римма. — Он просто... напоминал о себе. Деликатно.

— Деликатно, — повторил он с сомнением. — Чайки взлетели, мышонок.

— Чайки у вас здесь пугливые.

— Чайки здесь наглые, как и их хозяин. Идём. Ресторан отеля. Я обещал тебе пасту, от которой плачут даже те, кто на диете.

— Я не на диете, — зачем-то сообщила она.

Он окинул её фигуру взглядом — медленным, оценивающим, от которого у неё снова загорелись уши.

— Я заметил. И это прекрасно.

Она хотела спросить, что именно он заметил, но передумала. С ним было опасно задавать уточняющие вопросы. Он всегда отвечал. Прямо. И от этих ответов у неё подкашивались колени.

Ресторан отеля «Империяль» назывался «Лагуна» и располагался на открытой террасе с видом на море. Белые скатерти, свечи в стеклянных колбах, живая музыка — где-то в углу пианист играл что-то нежное и ненавязчивое. Официанты двигались бесшумно, словно тени, предугадывая желания гостей раньше, чем те успевали их озвучить.

Когда они вошли, метрдотель — пожилой мужчина с седыми висками и выправкой бывшего военного — склонил голову в лёгком поклоне.

— Григорий Викторович. Ваш столик готов.

Их проводили к столику у самого края террасы, откуда открывался вид на закатное море. Григорий отодвинул для неё стул.

— Расскажи о себе, — сказал он, когда официант налил им воды и бесшумно исчез.

— Что именно? Родилась, училась, реставрирую мебель.

— Не увиливай. Расскажи что-то интересное.

Она задумалась, вертя в пальцах бокал.

— Я боюсь грозы, — сказала наконец. — Панически. До дрожи. И ещё боюсь темноты. Сплю с ночником, хотя понимаю, что это стыдно.

— Почему стыдно?

— Потому что взрослые люди не должны бояться темноты.

— Взрослые люди боятся гораздо более глупых вещей, — он отпил воды. — Например, потерять контроль. Или признаться себе в том, что они одиноки. Темнота — это честный страх. Первобытный.

Она посмотрела на него с интересом.

— А ты? Чего боишься ты?

Он помолчал. Пауза затянулась настолько, что Римма уже решила — он не ответит.

— Я боюсь, что лодка никогда не поплывёт, — сказал он наконец. — Что я потрачу годы, восстановлю её до последней доски, а она так и останется стоять на верфи. Памятником. Не живой.

— Почему она может не поплыть?

— Потому что я боюсь воды, — он усмехнулся. — Не всей. Только глубокой. Той, где не видно дна.

Римма уставилась на него, не веря своим ушам.

— Ты? Владелец верфи. Боишься глубины.

— Я плаваю у берега, — признался он. — Там, где могу встать на дно. Дальше — нет. Глупо, правда?

— Это не глупо, — тихо сказала она. — Это... человечно.

Он посмотрел на неё долгим взглядом, и в его серых глазах мелькнуло что-то похожее на благодарность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.